

Русский дворянин — человек переходной эпохи первой четверти XVIII века

С.И. Пудина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Изучены государственные требования к дворянской службе в первой четверти XIX века. Рассмотрены преобразования форм общественного сознания, связанные с переходом от традиционных форм государственной службы к новым и формирование дворянского сословия из низших слоев общества. Прослежено изменение в самосознании дворян как представителей общества Петровской эпохи и становление корпоративного сознания.

Ключевые слова: дворянское сословие, чиновная честь, традиции, сознание дворян, дворянская служба, государь, принципы службы, власть.

Russian nobleman of the transition period of the first quarter of the XVIII century

S.I. Pudina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

Author has studied the state requirements for the noble service in the first quarter of the XIX century. The article deals with the transformation of forms of public consciousness associated with the transition from traditional forms of public service to new ones and the formation of the nobility from the lower strata of society. Author has traced the change in the self-consciousness of the nobles as representatives of the society of the Peter's era and the formation of corporate consciousness.

Keywords: the noble class, official honor, traditions, consciousness of the nobles, the noble service, the sovereign, the principles of service, power.

В первой четверти XVIII в. в России появляется новая элитарная прослойка с новыми взглядами на служебную деятельность, с иными обычаями, представлениями, резко контрастирующая с элитой XVII в. Социальные реформы Петра I и взаимодействие с западной цивилизацией явились для русского дворянина своеобразным ментальным взрывом (изменением традиционных форм сознания), который привел к существенным переменам в образе жизни.

В сознании дворянина Петровской эпохи уживались представления о двух Россиях — старой и новой, — поскольку он не мог сразу отказаться от традиционных устоев жизни, унаследованных от предшествующих поколений. Дворянину было важно

исправно нести службу государю. Поэтому многие продолжали служить не Отечеству, а лично Царю, по старинке, называли себя царскими холопами: «...пожалуйте меня холопа своего...» (РГАДА, Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 719. Л. 228). Сложно было большинству дворян отказаться от традиционных принципов службы. Известен случай местничества между тремя «царедворцами», назначенными в юстиц-коллегию, что привело к изданию Петром I (4 апреля 1719 г.) указа «О пресечении местничества и о порядке старшинства коллежских членов» [15, Т. V. № 3384].

В обществе конца XVII — первой четверти XVIII вв. религия доминировала и в общественной и в личной сферах жизни. В сознании дворянина первой четверти XVIII в.

представление о Царе тесно связывалось с Богом. Немалую роль в этом сыграло особое положение служилого сословия в России, тесно связанное с политикой монарха. С точки зрения дворянина Царь — ставленник Бога на Земле. Он должен управлять народом, руководствуясь божественными законами. Об этом откровенно свидетельствуют эпистолярные источники. В письмах дворян Петру I постоянно ставятся рядом слова «царь» и «Бог» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Ед. хр. 21. Ч. 2. Л. 1—12). «Милостию Божиею и счастьем Вашего царского величества» — эта фраза неоднократно употребляется в обращении к государю разных людей (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Ед. хр. 21. Ч. 2. Л. 87). В среде дворян преобладают патриархальные стереотипы мышления. Поэтому для высшего сословия не закон является гарантом справедливости, а государь. Подобные представления, присущие и дворянству в первой четверти XVIII в., объясняются влиянием древнего восточного порядка, в соответствии с которым дворянин служит лично Царю и получает в качестве оплаты поместье.

Если рассматривать переписку различных лиц с Петром I, довольно часто можно встретить такие обращения к царю: «Прилежно служу, Вашему царскому Величеству и храбрые ваши дела прославляю» (РГАДА, Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Ед. хр. 21. Ч. 2. Л. 78). Это свидетельствует об относительно невысоком уровне правосознания дворян и об их особом отношении к закону в России, характерном в целом для русского менталитета. Даже строжайшие меры (штрафы, битие кнутом, арест и т.д.), предпринятые Петром I, не всегда и не на всех действовали. Однако подобные меры не вызывали удивления дворян, поскольку «справедливость» и «закон» в их представлении — далеко не синонимичные понятия. Не государство с их точки зрения являлось символом справедливости, а Царь, который в сознании народа воспринимался как верный исполнитель воли Бога на Земле. Если Царь делает что-то несовместимое с представлениями о божественной воле, значит, народ провинился и заслуживает этого. Такая своеобразная логика мыш-

ления отразилась в полной мере в русском праве, отличном от западноевропейского, где право диктовало мораль и определялось этикой.

В первой четверти XVIII в. европеизация государственных институтов на уровне мировоззренческом изменяла общественные представления и стереотипы русского дворянства. Причем «сперва возникло новое Российское государство, по существу, совершенно не зависимое от старой картины мира. И лишь позднее начался процесс введения образа этого нового государства в национальную картину мира» [7, с. 210]. Политическая стратегия распространялась не только на государственный заказ — заимствование западноевропейских моделей управления, но и на трансформацию традиционной картины мира русского общества, а именно на формирование светских элементов в ее структуре.

В первой четверти XVIII в. в понятии «дворянин» появилось нечто новое, отличающееся его от царского служилого человека по отечеству. Политика Петра I в сфере государственной службы коренным образом изменила не только прежнее бытие и внешний облик дворянина, но и его мировоззрение. Именно поэтому явление можно считать закономерным. Даже именоваться дворяне стали по-иному с 1712 г. — шляхетством [15, Т. IV. № 2467]. Польское немецкое слово было выбрано вследствие пристрастия Петра I к иностранным терминам, соответствие терминологии определялось тем, что словом «дворянин» обозначался ранее сравнительно невысокий чин. Вместе с новым наименованием (шляхетство) начинает формироваться и новое понятие «дворянское достоинство», общее для всех членов сословия. Дворянское достоинство передается по наследству, является присущим дворянину с момента рождения. Петр I устанавливает в качестве пожалования за выслугу потомственное дворянство. Вместе с тем он утверждает понятие не дворянской, но чиновной служилой чести и отдает ей преимущество и перед дворянской честью, и перед знатностью. «Сказать всему шляхетству,

— объявляет Петр I в собственноручном именном указе, данном Сенату 16 января 1712 года, — чтобы каждый дворянин во всяких случаях какой бы фамилии не был, почести и первое место давал каждому обер-офицеру, и службу почитать и писаться только офицерам, а шляхетству, которые не в офицерах, только то писать, куда развезены посланы будут, а ежели кто против сего не почитит офицера, положить штраф, треть его жалованья» [15, Т. IV. № 2467].

Идея *достоинства дворянина* вызревала в России не одно десятилетие. По сравнению с другими сословиями дворянство находилось в привилегированном положении. Выходец из знатной и древней фамилии, дворянин понимал, что его должность никогда не будет ниже должности отца, а может быть только выше. Такое положение вещей устраивало высшее сословие.

Всего труднее, казалось, было уничтожить мечту дворянства о преимуществах рождения и предрассудок, что позорно находится под начальством человека низшего происхождения. Петр I собрал 50 человек из молодых дворян, которые воспитывались по старинному обычаю, и назвал их потешными. Он велел их одеть и упражнять в военном деле по европейскому образцу и, более того, объявил, что сам он не имеет никакого преимущества перед другими, а подобно своим товарищам с ружья, даже с барабана, будет выслуживаться постепенно. Для этой цели он передал самодержавную власть князю Ромодановскому, который должен был повышать Петра в чины наравне с другими солдатами, по его заслугам и без малейшего потворства. «Так, пока жив был вышеупомянутый князь, именно до 1718 г., Петр разыгрывал такую комедию, что получил от него повышение в генералы и адмиралы, которые должности ему угодно было возложить на себя. Это объявление имело то действие, что дворяне из самых знатных фамилий, хотя и не покидая предрассудка о достоинстве своего происхождения, сохранив его даже, оставались с ним на службе и стыдились заявлять такие притязания, которые могли показать, будто бы они думают быть

лучше их государя. Поэтому, впоследствии никто больше и не отваживался говорить о преимуществах своего рождения. Петр I упорно отдает решительное предпочтение службе перед знатностью» [17, с. 336].

Дворянство болезненно относится к тому, что заслуги всего рода и знатность отходят на второй план. Петр I требует от дворянства (особенно от знатного) должного исполнения служебных обязанностей — уже не перед государем, а на пользу всему Отечеству, активно внушает дворянину, что он должен служить государю во имя *общего блага*. Настойчиво твердя в указах о государственном интересе как высшей и безусловной норме государственного порядка, он даже себя, государя, ставит в подчиненное отношение к государству как верховному носителю права и блюстителю общего блага. Свою деятельность Петр I понимает как службу государству, Отечеству. В результате некоторые дворяне, наиболее восприимчивые к новому, оценили эту идею. Особенностью Петровской эпохи является тот факт, что принцип годности службе постепенно приобретает первостепенную важность для этих дворян и даже преимущество перед принадлежностью роду.

Воинская повинность становится тяжелой ношей, ломая привычные устои жизни дворянского сословия. Так, к началу Северной войны служилый характер поместья был уже не более чем фикцией. По образному выражению И. Т. Посошкова, дворянство хотело «великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать» [12, с. 268]. Заставить дворянина навсегда надеть военный мундир можно было только с помощью использования разных форм давления: силовых приемов, моральных и материальных стимулов, правовых санкций. Это «аккордное» воздействие включало указ о единонаследии 1714 г. и разрешение приобретать недвижимость по истечении определенного стажа общественно-полезной деятельности, что изменяло отношение молодых дворян к государственной службе [6, с. 35].

Ужесточение норм дворянской службы имело несколько направлений. Во-первых,

снижался призывной возраст до 15 лет, даже до 13—14 лет [2, с. 68]. Князь Яков Петрович Шаховской повествует: «Как достиг я 14 лет возраста моего, то представили меня в службу лейб-гвардии в Семеновский полк, в оном полку быв по несколько времени солдатом» [6, с. 37].

Во-вторых, исполнение воинского долга заменялось постоянной службой. Ранее, в мирное время, дворянин мог управлять крестьянами в поместье — теперь он должен находиться в казарме. Следовательно, XVIII век коренным образом изменил условия прохождения дворянской службы. По сравнению с XVII в. свобода дворян резко ограничивается. Шляхетство освобождается от поместной полковой службы, относившейся к дворянам и детям боярских московского времени. Но дворяне при Петре I остаются такими же, как эти последние, служилыми людьми, обязанными государству пожизненной службой. Об этом свидетельствует дворянин А.Т. Болотов в своих «Записках»: «По кончине отца своего продолжал отец мой военную службу. Брат его последовал ему в том же, да инако в тогдашние времена было и не можно, ибо все дворяне должны были служить» [5, с. 32]. Даже старость и увечье не всегда освобождали от повинности. Из челобитной Ф.Н. Маслаева от января 1721 г. об увольнении со службы: «Всемилодивейший государь, прошу Вашего величества, да повелит державство Ваше меня, ниже имянованного, за старость мою и за долголетнюю работу от своих государевых дел уволить» (РГАДА, Ф. 9. Отд. 2. Кн. 5. Л. 212).

В-третьих, максимально полная мобилизация на службу угрожала экономическим основам существования дворянства. Дворяне, занимаясь военной подготовкой, редко навещали родных. При Петре дворяне не бывали в отпуске по несколько лет, ограничиваясь скудными вестями из дому о ведении хозяйства. Именно в такой ситуации, например, оказался Б.И. Куракин: «Занятый государевою службою и притом многие годы, неся эту службу за рубежом отечества, князь Борис Иванович мало

ведал свои земли на Хопре и Сердобе» [8, с. 238].

Дворяне по инициативе Петра I начинали службу с низших чинов, что ставило их на одну ступень с бывшими холопами и крепостными. На протяжении всех войн Петровской эпохи в тонус активность дворян приводили царские распоряжения, звучавшие как грозный окрик для балованных чад знатных родителей. Так, в 1714 г. государь строго-настрога указал, чтобы дети дворян и офицеров, не служивших солдатами в гвардии, «ни в какой офицерский чин не допускались», а также чтобы «чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить» [14, с. 43]. Та же установка, облеченная в форму закона, повторялась и в Табеле о рангах (п. 8). Высказывая уважение к аристократическим титулам, законодатель все же настаивал на абсолютном приоритете чина и рангов над всеми прочими знаками достоинства: «однако ж мы для того никому какого рангу дать не позволяем, пока она нам и Отечеству никаких заслуг не покажут, и за оные характера не получат» (Российское Законодательство X—XX вв. Т.4. с. 62).

Петр I настойчиво вводил в законодательные акты мысль о том, что «высокое происхождение — только счастливый случай, и не сопровождаемое заслугами учитывать не должно» [3, с. 184].

Очередным новшеством для дворянства стал Указ от 16 января 1721 г., в котором Петр I объявляет служебную заслугу, выраженную в чине, источником шляхетского (дворянского) благородства. «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, ... дать патент на дворянство» [15, ст. 6. № 3869]. Петр I настойчиво указывал на то, что «... одно дворянское достоинство вследствие происхождения не дает еще ровно никаких преимуществ, и что только служба Родине и заслуги перед ней делают человека выше и знатнее» (Законодательство Петра I. М., 1997. с. 340).

Если бы не Петр I, то страна бы, возможно, и не узнала выдающихся личностей из низших слоев общества, возведенных им во дворянство. Это оставивший о себе яркую

память генерал-прокурор Сената Павел Иванович Ягужинский, дипломат барон Петр Павлович Шафиров. Оба они не русские, происхождения довольно сомнительного. Павел Иванович Ягужинский начал службу денщиком Петра I. Со временем денщик стал капитаном гвардии, исполнял многие важные поручения государя: то вел секретные переговоры, то искал скрывшегося от царского возмездия беглого русского дипломата. Для выполнения таких непростых поручений у П.И. Ягужинского были все данные: аналитический ум, знание нескольких языков, красивая внешность, легкость в общении с людьми, умение видеть их сильные и слабые стороны, недюжинные организаторские способности.

«Усердно радетьельные» службы Петра Павловича Шафирова на Пруте и во время тяжелейшего пребывания в Турции высоко оценены были монархом. Большинство сотрудников Петра достигли высокого государственного положения именно своими усилиями: этому способствовали личные заслуги и таланты, а не аристократичность происхождения. Великий канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, дипломаты Петр Андреевич Толстой, Матвеев, Иван Иванович Неплюев, Артемий Волынский — не отличались родовитостью, их предки или вовсе не имели никакой политической роли до Петра I, или стали заметны вследствие личной выслуги незадолго до его правления. Никто из представителей школы Петра I не был настолько близким Царю, как князь Александр Данилович Меншиков. Первоначально Меншиков исполнял при Царе обязанности денщика. Преданность, усердие, энергия, распорядительность, умение угадать и исполнить желание Царя, при уме и личных талантах, выдвинули Меншикова в число ближайших сподвижников Петра I. Показателен пример возвышения и вхождения в правительственную среду и в окружение государя бывшего холопа Б.П. Шереметева Алексея Курбатова. Высочайшую милость Курбатов получил после того, как предложил проект о введении в России гербовой бумаги [4, с. 235].

Таким образом, Россия была страной, где дворянство не только пополнялось исключительно через службу, но и продвижение по службе по достижении определенного чина или ордена имело обязательный характер. Причем если дворянский статус «по заслугам предков» требовал утверждения Сенатом (и доказательства дворянского происхождения проверялись крайне придирчиво), то выслуга дворянства по чину или ордену признавалась без особого утверждения. В свою очередь Петр I, несомненно, совершил смелый и по-своему даже революционный шаг в преобразовании государственной политики, предоставляя дворянский титул служилым людям за заслуги перед Отечеством.

Людей, не погруженных в российскую реальность так глубоко, как подданные Петра I, крайне удивляла скорость освоения дворянством стандартов поведения, заложенных в чиновной субординации и в уставах. Уже в 1709 г. датский посланник Ю. Юль засвидетельствовал глубокое проникновение начал чиновничества в строй межличностных отношений. По его отзыву, офицеры проявляют подобострастное почтение к генералам, «в руках которых находится вся их карьера», а именно: они падают перед генералами ниц на землю, прислуживают им за столом, наподобие лакеев. Иностранцы связывали этот феномен с личным примером Царя, который последовательно прошел все ступени военно-морской карьеры, дослужился в 1710 г. до звания шаутбенахта (получил чин, соответствующий контр-адмиралу).

Родовое дворянство, помещенное в общую среду с «худородными» и в сферу действия единых стандартов службы, было очень недовольно. Однако именно в этом незнакомом дворянству ощущении зависти и ревности к успехам своих «подлорожденных» сослуживцев был скрыт могучий источник социального преобразования. Если указы, каравшие дворян за уклонение от дела, обеспечивали физическую явку в воинские части, то совместная служба — с простолюдинами — пробуждала в каждом дворянине начала конкуренции и карьеризма, которые ранее

пребывали в неактивном состоянии вследствие закоренелой местнической традиции. Ведя коварную игру с привилегиями старинного шляхетства, петровская политика ставила дворян перед необходимостью подтверждать нелегкими трудами свое первенствующее положение среди остальных сословных групп. «Острота ситуации заключалась в том, что состязательная борьба требовала от дворянства, переступая через свое естество, перенимать те качества, которые обуславливали высокую конкурентоспособность армейских выдвиженцев из социальных низов: отвязанную смелость вчерашнего подранка, стойкое перенесение невзгод, быструю практическую обучаемость, мощный посыл к ускоренному движению вверх по лестнице чинов» [6, с. 40].

Тонкий расчет, заложенный в петровской программе подготовки и переподготовки кадров, видели и понимали некоторые из наиболее проникательных политических «обозревателей». Дипломатический агент австрийского двора О.А. Плейер в 1710 г. доносил своему государю о чудодейственном средстве, изобретенном русским Царем для максимизации отдачи от своих военнослужащих. По его словам, наказывая нерадивых и публично вознаграждая храбрых и добросовестных, «он внушал большинству русских господ самолюбие и соревнование, да сделал еще то, что когда они теперь беседуют, пьют и курят табак, то больше уже не ведут таких гнусных и “похабных” разговоров, а рассказывают о том и другом сражении, об оказанных тем или другим лицом хороших и дурных поступках» [11, с. 398].

Еще одно петровское нововведение — превращение статской службы в разновидность дворянской службы, с обязательным ее исполнением для тех, кто избирает для себя статское (гражданское) поприще. Она не считалась среди дворянства почетной, и относились к ней как к временному поручению. Но при Петре I «дела и посылки» превращаются в «гражданскую службу». Со времени действия «Генерального регламента» и «Табеля о рангах» статская служба получает полные права гражданства — и дворянин делается чиновником. Зная традиционный взгляд

дворянства на канцелярскую службу, законодатель предписывает «не ставить в укоризну» прохождение ее знатными и шляхетскими фамилиями (РГАДА, Ф.210. Ед. хр. 651. Л. 149).

В связи с реформаторской деятельностью Петра I у дворянства появляется новая обязанность — обучение.

Новое устройство, новые способы и приемы службы разрушили прежние местные корпоративные организации дворянства. Прежнее столичное дворянство, оторванное от провинциальных дворянских миров, само сомкнулось в местный московский столичный дворянский мир. Эта перемена была, может быть, самой важной для судьбы России как государства. Разносословные регулярные полки армии Петра I не имели никакой корпоративной связи с местными мирами, так как состояли из лиц, набранных вразброд, отовсюду. Рязанский рекрут надолго, обыкновенно навсегда, оторванный от своей Пехлецкой или Зимаровской родины, забывал в себе рязанца и помнил только, что он драгун полка полковника Фаменина: казарма гасила чувство землячества. То же случилось и с гвардией. Дворяне были распределены в гвардейские полки Преображенский и Семеновский, перенесенные затем на Невское болото. Там гвардейцы стали забывать в себе москвичей. Но нарушив во многом прежнюю корпоративную объединенность дворянства по местам, реформы Петра I дали дворянам нечто большее: осознание их всероссийского единения. В списках герольдмейстера значилось все дворянство России, на смотры съезжались дворяне со всех окраин российской империи. На смотрах объединенность сословия обнаруживалась в разговорах дворян на темы их общих интересов и нужд. Таким путем создавалось, взамен частных местных группировок, объединенное общим сознанием всероссийское дворянство, как первенствующее сословие.

Представитель «ученой дружины» Гавриил Федорович Бужинский в своем «Похвальном слове», произнесенном 30 мая 1723 г., противопоставляя *старую* и *новую* Россию, оценивал значение петровских реформ следующим образом: «Равно есть просвещению

Владимерову просвещение от тми прежняго забвения произвести ко свету всякия славы, от поношения во удивление, от слабости к таковой ныне полученной силе, к таковым преславным победам». Петровское преобразование в России осмысляется как второе крещение Руси, а Петр, соответственно, как второй Владимир — креститель.

Истинным приверженцем петровских преобразований можно назвать Ивана Ивановича Неплюева. С неприкрытым раздражением отзывается Неплюев о молодых дворянах, которые не учились, не ездили за границу, а теперь претендуют на лучшие места в государстве. Неплюев пишет о тех, кто как и он, будучи отлученным от Отечества, подвергался насмешкам и ругательствам «по европейскому обычаю, в нас примеченному», и нуждался в высочайшей защите. В сознании Неплюева создается схема бескорыстного служаки. Неплюев подчеркивает в себе бескорыстие, противопоставляя его жадности других вельмож. Так, перед отъездом на новую должность, «пришед к генерал-адмиралу (Ф. М. Апраксину) прощаться, донес ему, что я отъезжаю, и просил его о неоставлении меня по заочности; он мне на сие только сказал: “Дурак!” Я, поклонясь его сиятельству, докладывал, что не знаю, чем его прогневал, а он мне на то отвечал, то же слово: “Дурак!” Причиной этой изумившей Неплюева оценки явилось его бескорыстие: «Для чего ты не просил государя, чтоб давать в твое отсутствие по складу твоего чина жалованье жене» [9, с. 14]. То, что для Неплюева — патриотическое бескорыстие, для его собеседника — «дурачество». Неплюев пишет не мемуары, а дневник, и это позволяет нам видеть живые отпечатки его настроения, еще не сглаженные примиряющим временем. Дворянин, честно служащий отечеству, патриот и одновременно бедняк на государевом жалованье — таков образ, выражаемый чувствами Неплюева. Он-то и есть истинный «птенец гнезда Петрова», а Петр — его защитник и единомышленник.

Примером такого же полезного влияния является и жизнь Петра Андреевича Толстого.

Петр Андреевич был единственным сподвижником Петра I, который начинал свою карьеру его противником, а заканчивал — верным слугой. Чтобы произошла такая метаморфоза, надобно было преодолеть косность и консерватизм среды, на которую он вначале ориентировался. В ряды сподвижников Петра I Толстой влился в зрелые годы и, несмотря на возраст, с усердием стал постигать новое, причем в процессе не обучения, как то делали его более молодые современники, а переучивания. Это всегда сложнее и труднее. Пребывание в Италии и в других странах послужило развитию политических способностей. Французский посол Кампредон назвал его «умнейшею головою в России». Несмотря на то что Толстой в 1682 г. поддержал царевну Софью, Петр I оценил его заслуги перед Отечеством, его удачную дипломатическую службу. Известны слова Петра I, сказанные как-то П. А. Толстому: «Голова, голова, как бы не так умна была, давно бы я отрубил тебя велел» [13, с. 196]. Толстой служил делу Петра I верно и преданно и отдавал этой службе все свои недюжинные дарования. Вряд ли среди дипломатов, которыми располагал государь в самом начале XVIII в., можно было найти более подходящую кандидатуру на должность русского посла в Стамбуле, чем Петр Андреевич. Вряд ли, далее, кто-либо мог проявить столько настойчивости, изворотливости и гибкости, сколько Толстой. Здесь важен итог его нелегкой службы: ему удалось предотвратить выступление Османской империи против России именно в тот период Северной войны, когда это выступление имело для нашей страны наибольшую опасность. Другая, не менее важная, заслуга Толстого за время пребывания в Османской империи была связана с утверждением нового статуса посла как постоянного представителя России при султанском дворе. В результате престиж России был поднят на более высокую ступень [10, с. 178].

Далее приведем пример соотношения старых и новых устоев в жизни дворянина. Аристократ Борис Петрович Шереметев был человеком другой эпохи, а именно личностью, в которой черты аристократического

воспитания причудливо переплелись с представлениями, внесенными европеизацией. По своему мироощущению, по привычкам это был человек XVII в., волей судьбы заброшенный в бурное время петровских преобразований. Он и не порвал с прошлым, и полностью не воспринял настоящее, точнее, не смог превозмочь себя, чтобы органически слиться с этим настоящим. Можно назвать его олицетворением патриархального воеводы XVII в., с представлениями о военном искусстве, определяющим признаком которых являлось не умение, а число. Вместе с тем в Петровскую эпоху он приобрел навыки в создании и управлении регулярным войском, более мобильным и боеспособным, чем поместная конница XVII в. В сплаве этих двух различных навыков и соответствующих им качеств характера и формировался полководец Шереметев. Петр I учитывал еще одно качество Бориса Петровича: он был не чужд восприятию западной культуры, во всяком случае, ее внешних проявлений.

Все эти дворяне своим умственным развитием были обязаны новым условиям жизни, созданным Петром Алексеевичем. Таким был и зажиточный крестьянин подмосковного села Покровского Иван Посошков, «хромавший раскольничьим недугом» и недовольный Петром I, а затем — поклонник и Петра I, и реформ. В своих литературных трудах наблюдательный и умный мужик не только выступал апологетом Петра I, но и стремился по мере сил помочь и правительству, и обществу своим практическим советом. Такие разные личности, как И.И. Неплюев, И. Посошков, П.А. Толстой, Б.П. Шереметев, действуя в различных сферах общества, выполняли одно и то же предназначение — являлись хранителями новых начал общественной жизни, получивших силу в царствование Петра I. Они своими трудами, речами и жизнью распространяли эти начала среди косной и недоверчивой массы и, увлекая многих за собой, были действительными помощниками Петра I.

Но не все смогли принять нововведения первой четверти XVIII в., для некоторых дворян они стали серьезным испытанием.

Были из числа дворян те, которые не мешали и не оказывали явного сопротивления преобразователю, но и не входили в число его последователей и приверженцев. Если они что и делали нового, то исключительно по долгу, в соответствии с характером службы.

Интересен пример изменений в самосознании Михаила Петровича Аврамова, именно тем, что здесь граница *старого* и *нового* устоев проходит сквозь личность одного человека и трагически ее «развывает». Практическая деятельность петровского служаки сталкивалась в нем с утопическими мечтаниями. Идеализируя образ старины, он предлагал новаторские реформы, считая их защитой традиции. В его проектах смешивались противоречия: петровской политики в области государственной службы; мысль Никона о сильной, управляющей Церкви («Священства»), стоящей выше государственности; жажда Аввакума пострадать за старину и веру. Все эти противоречия с трудом сопоставлялись негибким умом этого «птенца гнезда Петрова». Он не был ни врагом Петра I, ни противником его реформ. Однако, несмотря на то, что М.П. Аврамов преклонялся перед личностью императора всю жизнь, он не был уверен в правильности Петровских государственных преобразований, и эта психологическая проблема не давала ему покоя.

Противником преобразований Петра I был его наследный сын, Алексей. Проживая каждый день праздно: в попойках и веселии, царевич не одобрял идею служения на благо Отечества, всячески пытался уклониться от службы и учения, используя для этого различные причины, чем вызывал гнев отца. Вокруг царевича собрались люди нечиновные (А. Кикин, Я. Игнатьев и др.), они не занимали государственных постов и убивали время в безделье — безликая масса. Все они не участвовали в происходивших в стране грандиозных по значению событиях, а выступали в роли пассивных наблюдателей, причем враждебных.

Не одобрял политику Петра I дипломат Авраам Павлович Веселовский. Сын неродовитого стольника, он получил образование

за границей и стал видным дипломатом [13, с. 219]. Веселовский был причастен к делу царевича Алексея, поэтому не пожелал вернуться на Родину и до конца дней проживал за границей, боясь наказания.

Среди дворянства не было единства в отношении к нововведениям в сфере государственной службы. Сторонники Петра I — беззаветно, не «щадя живота своего», с полной отдачей служили на благо Отечества. Другие представители дворянства, также сторонники Петра I, одобряли лишь некоторые стороны его преобразовательной деятельности и упорно следовали фундаментальным основам московской духовной культуры. Службу использовали для достижения своих личных выгод. Однако были и противники преобразований Петра I, они умышленно не признавали новых служебных требований и оказывали сопротивление.

Многие представители общества начала XVIII в. стремились стать приближенными государя Петра Алексеевича. Они делали все, чтобы их заметил государь. Но всегда ими руководило желание стать частью какого-либо Единства, принять законы этого Единства как собственные жизненные правила. Для личности человека XVIII в., если можно позволить себе такое обобщение, характерны попытки найти свою судьбу, «выйти из строя», реализовать индивидуальность. Такая устремленность психологически обосновывает многообразие поведения. Желание совершить неслыханное оказывается порой сильнее религиозно-этических стимулов: оно и толкает к героическому поступку, вызывает надежду «попасть в случай» — занять первое место у престола власти, преодолев все препятствия. Достижение власти и государевой милости любыми способами можно видеть на примере Г.Г. Скорнякова-Писарева. Пыточные казематы продвинули карьеру питомца эпохи реформ куда более, нежели поля сражений. Уже в 1722 г. Петр I возвел бомбардира на только что введенный пост обер-прокурора Правительствующего Сената. Пожалованный через полторы недели в генерал-майоры, 47-летний Скорняков-Писарев вошел в состав

высшего руководства Российской Империи [13, с. 378].

Таким образом, реформы первой четверти XVIII в., реализуя переход от традиционных принципов службы к новым, внесли существенные изменения в самосознание дворянина.

Литература

1. **Пудина С.И.** Дворянская служба в конце XVII — первой четверти XVIII вв.: идеология и практика: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: [Моск. гор. пед. ун-т]. 2012. 26 с.
2. **Бескровный Л.Г.** Русская армия и флот в XVIII веке: очерки / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
3. **Беспярых Ю.Н.** Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1991. 279 с. (Панорама истории).
4. **Богословский М.М.** Петр I: Материалы для биографии / Под ред. проф. В. И. Лебедева. Ленинград: Гос. соц.-экон. изд., 1940—1948. Т. 3: Стрелецкий розыск. Воронежское кораблестроение. Городская реформа 1699 г. Карловицкий конгресс. 1698—1699. 1946. 501 с.
5. **Болотов А.Т.** Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков, 1738—1793. Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1871—1873.
6. **Волкова И.В.** Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35—51.
7. **Жидков В.С., Соколов К.Б.** Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть / [Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ и РАН]. СПб.: Алетея, 2001. 636 с.
8. **Куракин Б.И.** Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под ред. М.И. Семевского. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1890—1902. Кн. 3. 1890. 387 с.
9. **Неплюев И.И.** Записки Ивана Ивановича Неплюева. 1693—1773. Новое полн. изд., с примеч. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1893. VIII, 197 с.
10. **Павленко Н.И.** Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1994. 398 с.
11. **Плейер О.А.** О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. 464 с. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII — XX вв.).
12. **Посошков И.Т.** Книга о скудости и богатстве. М.: Наука, 2003 (ППП Тип. Наука). 253 с. (Российская экономическая мысль / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Экон. фак. Центр обществ. наук).
13. **Серов Д.О.** Сенаторы и губернаторы под судом Петра I // Родина. 2006. № 8.
14. **Троицкий С.М.** Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1974. 394 с.

15. Полное собрание законов Российской Империи, повелѣниемъ Государя Императора Николая Павловича составленное. Т. III — VII. СПб.: Тип. II. Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830.

Поступила 24.02.2020

Пудина Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, государства и права Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), pudina@bk.ru

References

1. Pudina S.I. Dvorjanskaja sluzhba v konce XVII — pervoj chetverti XVIII vv.: ideologija i praktika: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. M.: [Mosk. gor. ped. un-t]. 2012. 26 s.
2. Beskrovnyj L.G. Russkaja armija i flot v XVIII veke: ocherki / Akad. nauk SSSR. In-t istorii. M.: Voenizdat, 1958. 645 s.
3. Bespjatyh Ju.N. Peterburg Petra I v inostrannyh opisaniyah. Vvedenie. Teksty. Kommentarii. L.: Nauka: Leningr. otdelenie, 1991. 279 s. (Panorama istorii).
4. Bogoslovskij M.M. Petr I: Materialy dlja biografii / Pod red. prof. V. I. Lebedeva. Leningrad: Gos. soc.-jekon. izd., 1940—1948. T. 3: Streleckij rozysk. Voronezhskoe korablestroenie. Gorodskaja reforma 1699 g. Karlovickij kongress. 1698—1699. 1946. 501 s.
5. Bolotov A.T. Zhizn' i priključenija Andreja Bolotova opisannye samim im dlja svoih potomkov, 1738—1793. Sankt-Peterburg: Pechatnja V. Golovina, 1871—1873.
6. Volkova I.V. Voennoe stroitel'stvo Petra I i pereмены v sisteme social'nyh otnoshenij v Rossii [Military Apparatus of Peter I and Changes in Russian Social Relations] // Voprosy istorii. 2006. № 3. S. 35—51.
7. Zhidkov V.S., Sokolov K.B. Desjat' vekov rossijskoj mental'nosti: Kartina mira i vlast' / [Gos. in-t iskusstvoznaniya M-va kul'tury RF i RAN]. SPb.: Aletejja, 2001. 636 s.
8. Kurakin B.I. Arhiv knjazja F.A. Kurakina, izdavaemyj pod red. M.I. Semevskogo. Sankt-Peterburg: tip. V.S. Balasheva, 1890—1902. Kn. 3. 1890. 387 s.
9. Nepljuev I.I. Zapiski Ivana Ivanovicha Nepljueva. 1693—1773. Novoe poln. izd., s primech. Sankt-Peterburg: A.S. Suvorin, 1893. VIII, 197 s.
10. Pavlenko N.I. Ptency gnezda Petrova. M.: Mysl', 1994. 398 s.
11. Plejer O.A. O nyneshnem sostojanii gosudarstvennogo upravlenija v Moskovii v 1710 godu // Lavry Poltavy. M.: Fond Sergeja Dubova, 2001. 464 s. (Istorija Rossii i Doma Romanovyh v memuarah sovremennikov. XVII — XX vv.).
12. Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve. M.: Nauka, 2003 (PPP Tip. Nauka). 253 s. (Rossijskaja jekonomicheskaja mysl' / Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. Jekon. fak. Centr obshhestv. nauk).
13. Serov D.O. Senatory i gubernatory pod sudom Petra I // Rodina. 2006. № 8.
14. Troickij S.M. Russkij absoljutizm i dvorjanstvo v XVIII v.: Formirovanie bjurokratii / AN SSSR. In-t istorii SSSR. M.: Nauka, 1974. 394 s.
15. Polnoe sobranie zakonov# Rossijskoj Imperii, povelѣniem# Gosudarja Imperatora Nikolaja Pavlovicha sostavlennoe. Т. III — VII. SPb.: Тип. II. Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830.

Submitted 24.02.2020

Pudina Svetlana I., Candidate of Historical Sciences, associate professor of Russian History, State and Law Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), pudina@bk.ru